

U $\frac{289}{260}$

2007050238

СВОБОДА СОВѢСТИ

И

ОТНОШЕНІЯ ГОСУДАРСТВА КЪ ЦЕРКВИ.

Ө. Г. ТЕРНЕРА.

Единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово.

А. С. Хомяковъ.

Необходимость уваженія къ свободѣ религіозныхъ убѣжденій — считается обыкновенно положеніемъ не требующимъ доказательствъ; развивать эту мысль, приводить доводы въ пользу вѣротерпимости, представляется какъ бы совершенно излишнимъ повтореніемъ общихъ мѣстъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій. Какъ скоро, однако, вопросъ переходитъ съ чисто отвлеченной на практическую почву, какъ скоро рѣчь заходитъ о формальномъ признаніи этого начала и объ исключеніи изъ уголовного свода, наказаній, являющихся несомнѣстными съ признаніемъ этого начала, такъ положеніе вопроса совершенно измѣняется и рѣшеніе его склоняется къ невозможности или несвоевременности осуществленія въ нашей жизни логически общепринятаго начала.

Обращаясь къ коренному источнику всякаго христіанскаго ученія, къ подлиннымъ словамъ Спасителя, въ томъ видѣ, какъ они переданы намъ евангеліемъ, мы находимъ въ нихъ столь полное, столь безусловное разрѣшеніе вопроса о вѣротерпимости, въ смыслѣ

порицанія всякаго рода вторженія внѣшней карательной власти въ духовную сферу и въ смыслѣ невозможности сліянія гражданской и духовной властей въ однѣхъ рукахъ, что казалось бы даже немислимо возбуждать какое либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи. „Царство Мое не отъ міра сего.... отдайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу... Кто поставилъ Меня судить или дѣлить вась?...“ Цѣлый рядъ этихъ и другихъ изреченій казалось бы окончательно разрѣшаютъ весь вопросъ. „Евангеліе“, говоритъ протоіерей А. Ключаревъ ¹⁾, „которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе....“

Съ другой, чисто логической точки зрѣнія не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что внутреннія, духовныя, религіозныя убѣжденія не могутъ быть вызваны или измѣнены въ людяхъ мѣрами внѣшняго насилія и что всякое внѣшнее исполненіе религіозныхъ обрядовъ, противныхъ внутреннимъ, духовнымъ убѣжденіямъ чело-вѣка, является лицемерною ложью и поэтому нравственнымъ зломъ.

Намъ говорятъ, однако, что лице, уклоняющееся отъ истиннаго ученія, является не только въ качествѣ индивидуальнаго представителя ошибочнаго мнѣнія, оно является кромѣ того въ качествѣ заражающаго элемента въ обществѣ, могущаго соблазнить другихъ слабыхъ членовъ общества; поэтому, допуская даже, что ошибающагося, еретика, сердце котораго огрубѣло (или, другими словами, убѣжденія котораго твердо укоренились) — невозможно обратиться на путь истины никакими внѣшними понудительными и карательными мѣрами, необходимо, въ видахъ общаго интереса, сдѣлать такое лице безвреднымъ и, если нужно, даже уничтожить его — прибѣгая для этой цѣли къ внѣшнимъ мѣрамъ преслѣдованія. Нельзя не сознаться, что этотъ методъ аргументаціи, принятый со всѣми своими послѣдствіями католическою церковію, — представляется логически послѣдовательнымъ. Недостатки латинскаго ученія никакъ не заключаются въ недостатокъ послѣдовательной аргументаціи, а скорѣе въ одностороннемъ преобладаніи логики. Но нужно ли доказывать, что подобный образъ воззрѣнія при своей

¹⁾ Слово, сказанное 22-го февраля 1876 года въ Моск. Успенск. соборѣ.

внѣшней, формальной логичности не согласенъ ни съ духомъ евангелія, ни съ внутренними убѣжденіями человѣческаго разумѣнія?

Книжники и фарисеи не только пребывали лично въ заблужденіи, но и заражали вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ нравственнымъ невѣжествомъ народъ, противудѣйствуя распространенію въ средѣ его живительнаго ученія христіанской истины; между тѣмъ въ евангеліи нигдѣ не видно, чтобы Іисусъ Христосъ принималъ или разрѣшалъ другимъ принимать мѣры понужденія противъ этихъ закоренѣлыхъ представителей іудейскаго формализма, хотя бы только въ видахъ уничтоженія ихъ вреднаго противудѣйствія распространенію христіанскаго ученія. Очевидно, что начало, допускающее внѣшнее насильственное уничтоженіе духовныхъ препятствій, возникающихъ на пути человѣческаго прогресса, привело бы неизбѣжно къ уничтоженію главнаго условія этого прогресса, а именно свободы и самодѣятельности человѣческаго духа. Слѣдуетъ ли тушить огонь на землѣ и гасить живительный лучъ свѣта — для предупрежденія могущихъ быть мѣстныхъ пожаровъ? Если люди созданы Богомъ не въ видѣ безответственныхъ нравственныхъ механизмовъ, а въ видѣ самоопредѣляющихся существъ — то возможно предположить, что нравственное совершенство недостижимо внѣ области свободного самоопредѣленія.

Необходимо тутъ же указать, для устраненія недоразумѣній, на частое смѣшеніе понятія свободы совѣсти съ понятіемъ необходимости, для членовъ церкви, ученія, преподаваемого ею.

Очевидно невозможно ставить объективную непреложность основныхъ догматическихъ истинъ, вложенныхъ въ церковь, въ зависимость отъ признанія ихъ со стороны ума и совѣсти отдѣльныхъ личностей. Эти истины, какъ результатъ откровенія,¹⁾ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ дѣла умственной аргументаціи и отъ побужденій совѣсти отдѣльныхъ людей; допускать послѣднее значило бы не только уничтожать церковь, но уничтожать христіанство, низводить христіанское ученіе на степень философіи, лишать

¹⁾ Авторъ очевидно относитъ все это разсужденіе къ религіи *откровенной*, не касаясь иныхъ вѣроисповѣданій и вѣроученій, изъ которыхъ многія также служатъ основаніемъ для церковныхъ и имъ подобныхъ общественныхъ союзовъ. Само собою разумѣется, что *безусловная* личная свобода вѣроученія, предоставленная каждому члену такого союза, исключала бы самое существо (и юридическое и нравственное) такого союза; но большая или меньшая *степень* личной свободы въ пониманіи и толкованіи догматовъ совмѣстима со многими изъ этихъ вѣроисповѣданій и союзовъ (какъ мы это и видимъ во многихъ протестантскихъ церквахъ).